

*Ирина Егоровна РОМАНОВА —
преподаватель филиала ТюмГУ (г. Козалым)
соискатель кафедры философии*

УДК 1:347.9

ФИЛОСОФИЯ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется вопрос о значении философских знаний, доказывается необходимость философии не только для осмысления абстрактных вопросов юридических наук, но и для обоснования конкретных судебных решений.

The author concentrates upon the importance of philosophical knowledge, and proves that philosophy is necessary both to ponder over abstract issues of law and to substantiate concrete court decisions.

Все работники юридических профессий имеет свои философские представления о том, что такое справедливость и право, какова роль права в обществе, в чем основной смысл правовой системы. Подобные вопросы в виде общих рабочих гипотез задают исходную мировоззренческую систему координат и позволяют более ясно понимать многие частные юридические вопросы. Философствование, схватывающее сущность права в целом, вносит в юридическое мышление элемент логической организованности. В действительности у человека нет выбора между философией и отказом от философии. Выбор есть только между философской системой, с одной стороны, и непродуманными, противоречивыми, смутными суждениями — с другой. Практикующие юристы неизбежно сталкиваются с философскими вопросами.

Для иллюстрации сказанного приведем конкретный случай, ставший в свое время предметом острой дискуссии Г. Харта и Л. Фуллера [1; 8-9]. Во время Второй мировой войны немецкий солдат на короткое время прибыл с фронта к себе домой. Со своей супругой он поделился некоторыми своими критическими мыслями о войне, о нацистском режиме, о верхушке рейха, высказал сожаление о том, что Гитлер не был убит во время покушения. После отъезда мужа жена донесла на него лидеру местного отделения национал-социалистической партии, а вслед за этим состоялся суд и военный трибунал приговорил солдата к смертной казни. Однако обстоятельства военного времени сложились для немецкого военнослужащего благоприятно: после тюремного заключения солдат был вновь отправлен на фронт. Война закончилась, прошли годы, и теперь жена солдата оказалась на скамье подсудимых. Западногерманским судом она была судима за незаконное лишение своего мужа свободы. Женщина утверждала, что она не совершила никакого преступления, поскольку муж был судим, заключен в тюрьму, приговорен к смерти на основании закона, который действовал на тот момент в Германии. Окончательное решение по этому не простому делу в конце концов вынес Апелляционный суд. Женщина была признана виновной, ибо нацистский закон противоречит здоровой совести и чувству справедливости всех порядочных людей.

Вот реальная проблемная ситуация в судопроизводстве, которая очень часто возникала, когда рассматривались дела военных преступников. Обвиняемые лица вполне естественно и искренне (как это им представлялось) заявляли о своей невиновности: мы являлись законопослушными гражданами, все наши действия укладываются в законодательные рамки, мы жили в определенное время и были вынуждены подчиняться приказам вышестоящего руководства. В свою очередь западногерманские суды, вынося свои обвинительные приговоры, апеллировали к общечеловеческим принципам морали, к фундаментальным правам человека.

Приведем и более современный случай. Саддам Хусейн и ряд бывших руководителей Ирака находятся сейчас на скамье подсудимых. Обвиняемый недоумевает и спрашивает: на каком основании меня судят? Я — законно избранный глава суверенного государства, оружия массового уничтожения на территории Ирака не обнаружено, а именно поиски последнего послужили сигналом для начала военных действий США и их союзников. Данное дело в настоящий момент еще не закрыто, но вопросов для размышлений множество. Вопросы эти возникают независимо от политических пристрастий. Это вопросы о праве и правах человека, о международном праве и суде.

Философ права С. В. Моисеев совершенно справедливо отмечает, что юрист должен иметь суждения по поводу многих вопросов. Что такое «права человека», вообще «права»? Когда их нарушение является достаточно «грубым»? И что из этого следует? Действительно ли закон, грубо нарушающий права человека, не является законом вообще? И если да, то что из этого следует? Означает ли это, что люди свободны от обязанности подчиняться такому закону?

Другая группа вопросов связана с обоснованием судебных решений. Очевидно, что судебные решения должны быть на чем-то основаны. Что является этим основанием? Действительно ли судьи выносят решения на основании норм права, или это безнадежное упрощение того, как они в реальности принимают решения? В обычных, рутинных случаях все ясно: есть статья кодекса, под которую попадает дело. Но что делать, если в кодексе есть пробелы или неясности, нормы права противоречивы? На основе чего судья должен принимать решения в этом случае? Может ли он опираться на какие-то другие правовые документы? Может ли он опираться на какие-либо внеправовые соображения? Например, принимать то решение, которое более способствует общественному благу? [1; 10]. Подобные вопросы, содержащие в себе философскую глубину, зачастую в неявной форме, постоянно встают перед юристами.

Современная философия права находится в состоянии непрерывного вопрошания. И это не удивительно, ибо философия есть непрерывный интеллектуальный процесс, в котором вопросы преобладают над ответами. Мы находим решение, но одновременно с ответом на вопрос обнаруживаем и необходимость его уточнения. И этот процесс не может быть завершен. В этом смысле любая теория стремится к некоторой завершенности, а практика, со своей стороны, постоянно размыкает горизонт нашего знания. Именно в этом ключе трактуется судебный процесс юридическим реализмом.

Это направление представляют такие исследователи как О. Холмс, Д. Франк, К. Левеллин. Для него характерно недоверие к чисто теоретической деятельности, оторванной от практики, стремление обратить философию к реальной жизни. Законодательные акты по сути дела есть всего лишь источники права, само же право — это совокупность судебных решений, а поэтому для адекватного понимания сущности права, нужно обратиться не к абстрактным теоретическим моделям, а к реальным судебным процессам. Право, полагает О. Холмс, — это «предсказания о том, что в реальности будут делать судьи».

Официальная теория учит, что есть целостная система законов, которые применяются строго и беспристрастно объективными и логически мыслящими судьями к конкретным делам. Соответственно, решения выносятся осознанно и осмысленно. Конечно, с этим нельзя согласиться. То, как судьи на самом деле решают судебные дела, во многом не соответствует тому, как это описывается в учебных пособиях и монографиях. Процесс принятия решения имеет очень сложную детерминацию. Если право есть система правил, то, могут ли судебные дела рассматриваться как процесс принятия правил? «Нет», — отвечают юридические реалисты. Если бы это было так, то непонятно, почему вообще столько

дел разбирается в судах? Почему люди просто не применяют правила, как они это делают в настольных играх, например, при игре в шахматы? И почему исход судопроизводства часто далеко не ясен, т. е. не предопределен законодательством? Разве такое возможно в ситуации применения строгих правил? Если бы право было сводимо к списку логически четких правил, тогда не человек, а вычислительная машина, в буквальном смысле, согласно заложенной программе, решала судебные проблемы. Для всех же очевидно, что в реальности на решение суда влияет множество факторов: психология и темперамент судей, их система ценностей, мировоззренческие установки, неосознаваемые симпатии и предрассудки. Как отмечает Г. Бушуев, «принятие судьями решения по существу дела и составление приговора — результат практического взаимодействия знаний, умения, способностей, опыта судей, реального проявления их личных качеств, убеждений, жизненной позиции» [2; 104]. Поэтому решения судей, по сути, непредсказуемы. К практике судопроизводства применимо утверждение, что, с одной стороны, жизнь права не подчиняется логике, а, с другой, теория в определенной мере отстает от требований практики.

Законодательная система всегда неполно и содержит момент неопределенности. Полнота и определенность недостижимы и нежелательны. Социальная жизнь меняется, возникают новые ситуации, которые не укладываются в существующие законы. Находясь в условиях неопределенности, а иногда и противоречивости законодательства, судьи нередко приходят к решениям «интуитивно». И уже после этого принятым решениям придают вид результатов рационально-логического мышления.

Для некоторых философов и правоведов позиция юридического реализма представляется теорией, которая цинично оправдывает судебный произвол. Большие сомнения относительно ее правильности возникают у Дж. Мерфи. «Рассмотрим утверждение О. В. Холмса: «право — это предсказание того, что решат суды». Возникают некоторые очевидные вопросы: (1) а что такое «суд»? Не является ли это вопросом теории права, при ответе на который мы не сможем обойтись без понятия «правил» (Г. Харт назвал бы их правилами признания)? (2) Что, согласно реализму, делает судья, интерпретируя закон в применении к конкретному случаю? В соответствии с данной теорией, он ... предсказывает то, что он сам решит. Что бы это могло значить? (3) В теории юридического реализма мы не можем провести разграничения между тем, что является юридически правомерным при принятии судебного решения (например, прецеденты в прецедентном праве) и неправомерным (например, взятки); поскольку для этой теории все факторы, влияющие на решение судьи, находятся как бы на одном уровне. Короче говоря, эта теория не учитывает того, что некоторые факторы (например, прецеденты) существуют не только для того, чтобы объяснить решение судьи, но и чтобы рационально обосновать его для всех с точки зрения правовых стандартов данного общества. Да, в трудных случаях нет единственного решения, логически вытекающего из правил. Но из этого не следует, что можно решать все, что угодно. (4) Если в трудных случаях правила не определяют однозначно, какое решение должно быть принято, важно видеть, что подавляющем большинстве случаев возникающие юридические вопросы просто не доходят до суда, потому что имеются ясные правила, и ответ на них и так очевиден. ... Поскольку юристы и судьи уделяют много внимания сложным судебным делам, они, возможно, склонны переоценивать «непредопределенность» вынесения судебных решений и не видеть, что большинство дел достаточно ясно» [цит. по 1; 43-44].

Конечно, не разумно было бы утверждать вслед за крайними представителями юридического реализма, что судебные решения принимаются произволь-

но. Все судебные решения должны находить свое обоснование в системе юридических норм, но при этом следует понимать, что сами нормы не поглощают собой всю систему факторов, влияющих на судебные решения. Судья всегда ориентирован на результат в интересах конкретного человека, но с учетом социально-политических, моральных и других ценностей и норм своего государства. Судьи, прокурор, адвокаты, участвующие в судебном заседании, обязаны сочетать интересы гражданина страны, государства и личные, например, должны учитывать возможные последствия их решений и принимать то, которое более всего способствует общественному благу. Член Верховного суда США Луис Брандейс утверждал, что в некоторых случаях судьи должны выходить за рамки законодательства, однако при этом решать судебные дела из соображений социальной политики, а не на основе прихоти. По сути дела, судьи должны уметь смотреть на проблему несколько шире, учитывать социальные последствия своих решений и там, где недостаточно ясные правила оставляют им свободу выбора, принимать наилучшие для интересов общества решения.

В. М. Лебедев отмечает, что «независимость и самостоятельность судебной власти еще не гарантирует успех в достижении стоящих перед ней задач. Требуется еще и развернутая правовая процедура судебной деятельности, обеспечивающая справедливый (правовой) результат рассмотрения и разрешения подведомственных суду споров» [3; 31].

Судебная практика вторгается в трагические судьбы, само право судить — на грани допустимого, здесь любое равнодушие бесчеловечно, а несправедливость и ложь — несмываемый позор. Судебный процесс есть школа жизни, школа высочайшей ответственности. Поэтому совершенствование судопроизводства есть следствие и средство демократии, свободы и справедливости. Решение суда опирается не только на теоретические рассуждения, но и на показания свидетелей, признания обвиняемых, а поэтому нравственное благородство и человеческое обаяние самих юристов, их философия жизни во многом определяют справедливость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев С. В. Философия права. Новосибирск, 2003.
2. Бушуев Г. И. Судья в уголовном процессе. М., 1994.
3. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000.

*Сергей Геннадиевич УСТИНОВ—
соискатель кафедры философии, менеджер
по персоналу ООО Севернефтегазкомплект ИК.*

УДК 130. 2.

ЭЗОТЕРИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена оценке и анализу эзотеризма, его влияния на сознание современного социума и человека.

The author assesses and analyses esoterizm, its influence on mentality.

После Второй мировой войны в западных странах, а с 1990-х гг. — и в России начинают широко распространяться магия, астрология, мантика и т. п. сомнительные в научном плане явления, и не только распространяться, но и